

## АПРОБАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИЧНОСТИ “DIMENSIONS OF IDENTITY DEVELOPMENT SCALE (DIDS)”

© 2020

*Ю.В. Борисенко*, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития  
Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

**Ключевые слова:** идентичность; процессы идентичности; методы исследования; адаптация и апробация методики; DIDS.

**Аннотация:** Разработка диагностического инструментария для исследования процессов идентичности, дающего возможность сравнивать результаты исследований с зарубежными данными, является актуальной проблемой в контексте изучения идентичности личности. В статье изложены результаты исследования, целью которого была апробация и адаптация англоязычной методики исследования процессов идентичности личности “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)”, созданной в 2008 году коллективом авторов под руководством К. Луцкх. В статье описаны особенности перевода, адаптации и апробации методики. Для апробации методики нами было проведено исследование с участием 245 испытуемых: 145 женщин и 100 мужчин в возрасте от 17 до 40 лет ( $M=25,17$ ;  $SD=11,07$ ). Конструкторная валидность теста определялась с помощью факторного анализа. Как и в оригинале, в русскоязычной версии были выделены 5 факторов. Для определения операциональной валидности опросника результаты методики сравнивались с результатами методики «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) с помощью корреляционного и дисперсионного анализа. Тест-ретестовая надежность оценивалась через сравнение результатов опросника с результатами повторного обследования через 6 месяцев. Статистический анализ полученных данных позволяет сделать вывод о достаточной достоверности и надежности методики. Методика исследования процессов идентичности личности “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)” (в русскоязычном варианте «Шкала измерения процессов идентичности») успешно апробирована на российской выборке и может быть применена в практике психологического консультирования и для дальнейших исследований в области идентичности.

### ВВЕДЕНИЕ

Первоначально проблематика идентичности поднималась в философских работах, психологическое осмысление феномен идентичности получил в работах Э. Эриксона [1] и Дж. Марсии [2]. Основополагающая теория Э. Эриксона постулирует значимость развития идентичности подросткового возраста и пересмотра идентичности как важную задачу развития в зрелом возрасте. Э. Эриксон концептуализировал идентичность как многомерную конструкцию, включающую когнитивные, моральные, культурные и социальные аспекты и охватывающую различные уровни анализа (например, эго, личностные и социальные измерения). Сформированная идентичность означает переработку детских идентификаций в более широкий и самодетерминированный набор смыслов, ценностей и целей, в то время как диффузная идентичность представляет собой неспособность выработать работоспособный набор целей и обязательств, на которых базируется взрослая идентичность [3; 4]. Важно отметить, что Э. Эриксон подчеркнул, что идентичность никогда не бывает «окончательной» и продолжает развиваться на протяжении всей жизни. Благодаря как нормативным задачам развития, так и взаимодействиям с окружающей средой, личность человека подвержена изменениям и трансформации [5; 6].

Дж. Марсия попытался определить психологические или поведенческие маркеры структуры идентичности [2], выделив четыре стадии процесса идентичности: достигнутая (проведенный поиск, принятие обязательств), мораторий (проведенный поиск, непринятие обязательств), предрешенная (непроведенный поиск, принятие обязательств), диффузная (непроведенный

поиск, непринятие обязательств). Каждый статус идентичности представляет собой комбинацию уровней поиска и принятия решения [7; 8]. Достигнутая идентичность характеризуется обязательствами, принимаемыми человеком на себя в процессе поиска идентичности, в то время как предрешенная идентичность – обязательствами, принятыми без какого-либо предварительного поиска [9]. Мораторий и диффузия, с другой стороны, характеризуются относительным отсутствием принятия обязательств, но различаются тем, участвует ли человек в систематическом поиске своей идентичности [10]. Люди, находящиеся в статусе «мораторий», в настоящее время изучают потенциальный жизненный выбор, в то время как при диффузной идентичности индивиды практически не занимаются систематическим исследованием своей идентичности [4]. Многочисленные исследования, в основном кросс-культурные, были сосредоточены на предполагаемых предшественниках, коррелятах и результатах этих статусов [11; 12].

К. Луцкх, S.J. Schwartz, M.D. Berzonsky выделили четыре процесса идентичности: поиск вширь и глубокий поиск, принятие обязательств и идентификация с обязательствами. Специфика всех четырех процессов состоит в том, что они взаимосвязаны друг с другом и непрерывно взаимодействуют в конкретной социальной ситуации [13]. Глубинный поиск и идентификация с обязательствами взаимодействуют таким образом, что не только глубинный поиск влияет на идентификацию с обязательствами, но и идентификация также влияет на необходимость длительного глубокого поиска для оценки этих обязательств или возобновления поиска вширь для нахождения альтернатив [14].

Поиск вширь и глубокий поиск имеют некоторые общие характеристики: оба варианта ориентированы на

поиск информации и оба имеют свойства открытости по отношению к миру [15]. Однако они различаются по своим целям (выбор из различных альтернатив – оценка конкретных текущих обязательств) и стратегиям (ориентация на внешний мир – ориентация на внутренние переживания) [16]. Лонгитюдные исследования показали, что эти процессы протекают самостоятельно, т. е. увеличение (или уменьшение) объема поиска вширь не обязательно сопровождалось увеличением (или уменьшением) глубокого поиска, и наоборот [17].

В свою очередь, процессы принятия обязательств и идентификации с обязательствами также имеют существенные различия. Это связано с тем, что принятие решительного выбора личности обычно порождает чувства и представления о безопасности и определенности. Однако эти процессы взаимосвязаны во времени: рост (или снижение) принятия обязательств было положительно связано с ростом (или снижением) идентификации с обязательствами [18]. Но это не означает, что они не различаются. Например, идентификация с обязательством в значительной степени связана с различными показателями психосоциальной адаптации, в то время как принятие обязательств не было связано с адаптацией личности [19].

Хотя считается, что эти четыре процесса идентичности характеризуют развитие идентичности в целом, индивидуальные различия существуют как в степени, в которой индивиды используют эти процессы, так и в степени, в которой эти процессы трансформируются и влияют друг на друга во времени [17]. Так, совпадение принятых обязательств с потенциальными возможностями и желаниями человека может уменьшить потребность в переоценке принятых решений, что приведет к высокой степени отождествления с обязательствами без необходимости глубокого поиска. К. Лууксх с коллегами в попытке расширить четырехмерную модель процессов идентичности [17] добавили дискуссионный пятый процесс: навязчивый поиск, соответствующий неспособности проводить рефлексивный поиск вширь и вглубь [17]. Изучая клинические выборки, авторы пришли к выводу, что поиск можно разделить на рефлексивный (включающий два процесса – поиск вширь и глубокий поиск, связанные с позитивным и адаптивным воздействием на формирование идентичности) и нерефлексивный (навязчивый поиск, или руминация, коррелирующий со многими признаками депрессии и психологических расстройств) [20]. При этом различия между рефлексивными процессами поиска и руминированием [21] или неадаптивным поиском в области планов на будущее определены эмпирически [17; 19]. Сейчас исследования процессов идентичности проводятся и в рамках исследования родительской идентичности [22; 23].

Таким образом, для изучения процессов идентичности в нашей стране может быть полезен перевод нескольких методик, направленных на диагностику процессов идентичности личности, среди которых одной из наиболее интересных представляется методика “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)” [17], созданная коллективом авторов под руководством К. Лууксх, включавшим известнейших современных исследователей идентичности: S.J. Schwartz, M.D. Berzonsky, B. Soenens и их коллег M. Vansteenkiste, I. Smits и L. Go-

ossens, в 2008 году в университете Лёвена. Методика состоит из 25 утверждений, из которых первые пять характеризуют процесс принятия обязательств, утверждения 6–10 характеризуют поиск вширь, 11–15 – описывают навязчивый поиск, 16–20 – идентификацию с обязательствами и 21–25 – глубокий поиск, диагностируя, таким образом, все пять процессов идентичности, известных на сегодняшний день.

Цель работы – апробация и адаптация англоязычной методики исследования процессов идентичности личности “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)”.

## МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В апробации опросника приняли участие 245 человек (100 мужчин и 145 женщин) – русскоговорящие жители Кемеровской области от 17 до 40 лет, средний возраст которых составил 25,17 года ( $M=25,17$ ;  $SD=11,07$ ).

Исследование проводилось с соблюдением норм профессиональной и исследовательской этики. Все испытуемые принимали участие в исследовании добровольно после подробного описания предполагаемой работы, им была гарантирована анонимность и возможность выйти из исследования на любом этапе. В силу специфики полученных данных открытый доступ к ним отсутствует. Материалы можно получить при обращении к автору статьи.

Конструкторная (факторная) валидность теста определялась с помощью факторного анализа. Тест-ретестовая надежность оценивалась по результатам повторного использования опросника с интервалом 6 месяцев. Для оценки операциональной валидности опросника использовался корреляционный анализ взаимосвязей опросника с оценками опросника «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) [24].

Статистический анализ данных включал расчет описательных статистик, корреляционный, дисперсионный анализ. Для обработки данных использовались программы STATISTICA 10.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Конструкторная (факторная) валидность теста, с учетом данных литературы [17], изучалась нами исходя из предположения о пятифакторной структуре опросника. При этом факторный анализ показал, что в русскоязычной версии при пятифакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 95 % (таблица 1).

Данные результаты схожи с тем, что получили при апробации авторы опросника [17].

Для определения надежности методики изучались две формы надежности: надежность в форме согласованности шкал и пунктов опросника и надежность в форме устойчивости результатов опросника.

Внутренняя согласованность методики была определена с помощью разделения выборки случайным образом на две половины и подсчета суммарной оценки в обеих половинах. Был применен коэффициент, являющийся усредненным для всех возможных вариантов вычисления надежности с разделением на половины, –

Таблица 1. Результаты факторного анализа

| Вопросы   | Фактор 1 | Фактор 2 | Фактор 3 | Фактор 4 | Фактор 5 |
|---|----------|----------|----------|----------|----------|
| 1. Я определился с направлением, которому я буду следовать в своей жизни                                | 0,70     |          |          |          |          |
| 2. У меня есть планы на будущее   | 0,76     |          |          |          |          |
| 3. Я знаю, в каком направлении я буду строить свою жизнь  | 0,83     |          |          |          |          |
| 4. У меня есть представление о том, что я собираюсь сделать в будущем                                   | 0,82     |          |          |          |          |
| 5. Я сделал выбор в отношении того, что я собираюсь делать со своей жизнью                              | 0,80     |          |          |          |          |
| 6. Я активно думаю о разных направлениях, которые я мог бы выбрать в своей жизни                        |          | 0,57     |          |          |          |
| 7. Я думаю о разных вещах, которые я мог бы сделать в будущем   |          | 0,58     |          |          |          |
| 8. Я рассматриваю ряд различных стилей жизни, которые могут мне подойти                                 |          | 0,73     |          |          |          |
| 9. Я думаю о разных целях, которым могу следовать   |          | 0,64     |          |          |          |
| 10. Я думаю о разных стилях жизни, которые могут быть хороши для меня                                   |          | 0,74     |          |          |          |
| 11. Я полон сомнений относительно того, чего я действительно хочу достичь в жизни                       |          |          | 0,66     |          |          |
| 12. Я беспокоюсь о том, что я хочу делать со своим будущим  |          |          | 0,91     |          |          |
| 13. Я продолжаю искать направление, которое хотел бы выбрать в своей жизни                              |          |          | 0,58     |          |          |
| 14. Мне постоянно интересно, в каком направлении должна идти моя жизнь                                  |          |          | 0,88     |          |          |
| 15. Мне трудно перестать думать о направлении, которое я хочу выбрать в своей жизни                     |          |          | 0,72     |          |          |
| 16. Мои планы на будущее совпадают с моими истинными интересами и ценностями                            |          |          |          | 0,88     |          |
| 17. Мои планы на будущее дают мне уверенность в себе  |          |          |          | 0,57     |          |
| 18. Благодаря моим планам на будущее я уверен в себе  |          |          |          | 0,55     |          |
| 19. Я чувствую, что направление, которое я хочу выбрать в своей жизни, действительно мне подходит       |          |          |          | 0,60     |          |
| 20. Я уверен, что мои планы на будущее являются самыми подходящими для меня                             |          |          |          | 0,62     |          |
| 21. Я думаю о планах на будущее, которые я уже выработал  |          |          |          |          | 0,55     |
| 22. Я говорю с другими людьми о своих планах на будущее   |          |          |          |          | 0,55     |
| 23. Я думаю о том, действительно ли цели, которые я ставлю перед собой, подходят мне                    |          |          |          |          | 0,72     |
| 24. Я пытаюсь выяснить, что другие люди думают о том направлении, которое я решил выбрать в своей жизни |          |          |          |          | 0,54     |
| 25. Я думаю о том, соответствуют ли мои планы на будущее тому, чего я действительно хочу                |          |          |          |          | 0,88     |
| Общая дисперсия   | 7,91     | 5,78     | 5,06     | 4,08     | 2,77     |
| Доля дисперсии  | 0,32     | 0,23     | 0,17     | 0,13     | 0,10     |

Cronbach's alpha.  $\alpha$ -Кронбаха, вычисленные нами для всех шкал как для всей выборки, так и для отдельно выборок мужчин и женщин по данным изучаемого опросника, представлены в таблице 2.

Тест-ретестовая надежность оценивалась по результатам использования опросника с интервалом 6 месяцев. Значение коэффициента ранговой корреляции по Спирмену между результатами двух замеров составляло 0,91 при 1%-ном уровне значимости.

Для оценки операциональной валидности опросника мы провели корреляционный анализ взаимосвязей опросника с оценками опросника «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест), результаты которого представлены в таблице 3.

Таким образом, диффузная идентичность обратно связана с принятием обязательств, идентификацией с обязательствами и поиском вширь и прямо взаимосвязана с навязчивым поиском. Данный результат соотносится с зарубежными данными [21]. Предрешенная идентичность прямо связана с идентификацией с обязательствами, но не значимо связана с принятием обязательств. При этом она обратно коррелирует с навязчивым поиском. Данный результат также соотносится с зарубежными данными [10; 25]. Достигнутая идентичность прямо коррелирует с принятием обязательств и идентификацией с обязательствами, а также с поиском вширь. Эти данные также соответствуют зарубежным данным [10].

Дисперсионный анализ подтвердил наши предположения о согласованности адаптированной методики

с данными СЭИ-теста. Результаты наглядно представлены на рис. 1–5. Так, диффузной идентичности по СЭИ-тесту соответствуют низкие значения принятия обязательств, предрешенной – средние, а достигнутой – самые высокие (рис. 1).

Схожая картина наблюдается и для процесса идентификации с обязательствами. Однако стоит отметить, что для предрешенной идентичности для обоих процессов обязательств наблюдается очень большая дисперсия (рис. 2), что объясняется вариативностью ситуаций, для которых характерна предрешенная идентичность.

Поиск вширь более характерен для достигнутой идентичности, при этом для предрешенной идентичности ниже всего результаты, но самая высокая дисперсия (рис. 3).

Различия в процессе глубокого поиска менее выражены (рис. 4), но наиболее выражен он также для достигнутой идентичности, что соотносится с данными других исследователей [10].

Навязчивый поиск более всего характерен для диффузной идентичности и менее всего проявлен в ситуации предрешенной идентичности (рис. 5), что также согласуется с логикой теории идентичности.

## ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о приемлемой валидности переведенной методики и возможности ее использования на русскоязычной выборке для изучения процессов идентичности. Методика проста и компактна, она

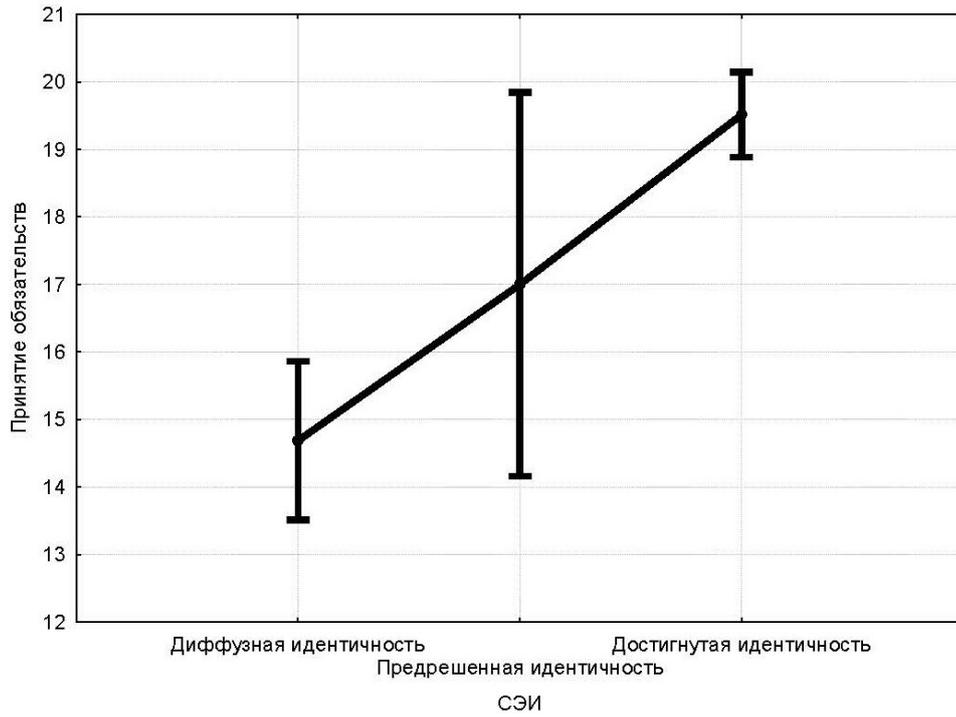
**Таблица 2.** Внутренняя согласованность адаптированного опросника ( $\alpha$ -Кронбаха)

|                                      | Вся выборка | Мужчины | Женщины |
|--------------------------------------|-------------|---------|---------|
| DIDS Принятие обязательств           | 0,88        | 0,81    | 0,77    |
| DIDS Поиск вширь                     | 0,77        | 0,79    | 0,81    |
| DIDS Навязчивый поиск                | 0,78        | 0,79    | 0,89    |
| DIDS Идентификация с обязательствами | 0,81        | 0,82    | 0,88    |
| DIDS Глубокий поиск                  | 0,88        | 0,84    | 0,77    |

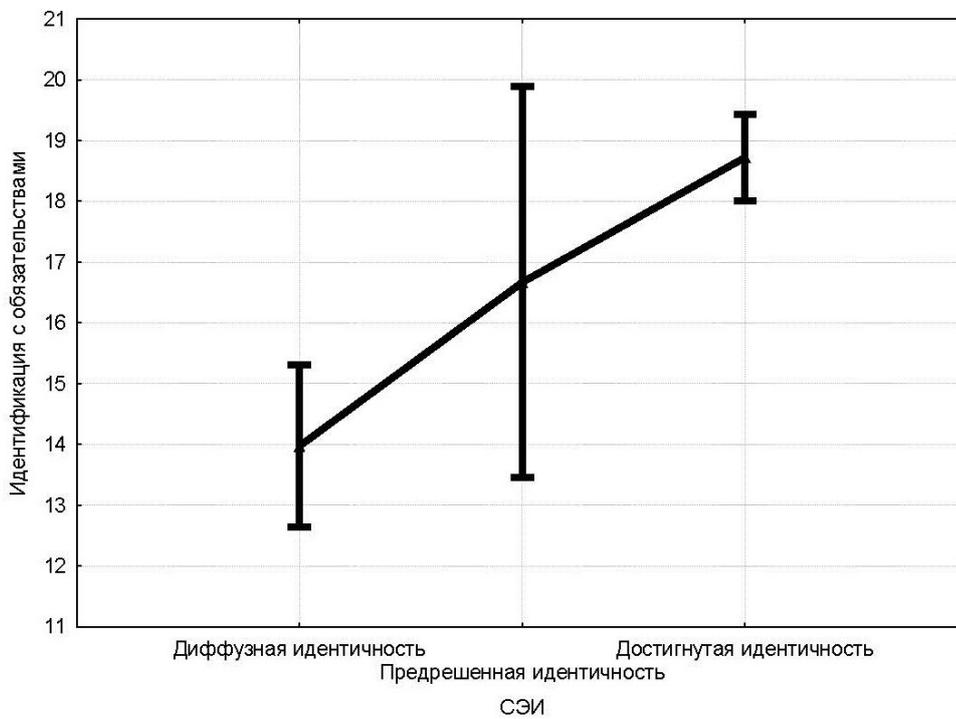
**Таблица 3.** Результаты корреляционного анализа

| Процессы/стадии                      | Структура эго-идентичности |                           |                          |
|--------------------------------------|----------------------------|---------------------------|--------------------------|
|                                      | Диффузная идентичность     | Предрешенная идентичность | Достигнутая идентичность |
| DIDS Принятие обязательств           | -0,47*                     | 0,14                      | 0,40*                    |
| DIDS Поиск вширь                     | -0,19*                     | -0,11                     | 0,27*                    |
| DIDS Навязчивый поиск                | 0,30*                      | -0,36*                    | -0,09                    |
| DIDS Идентификация с обязательствами | -0,48*                     | 0,21*                     | 0,37*                    |
| DIDS Глубокий поиск                  | 0,09                       | -0,04                     | -0,07                    |

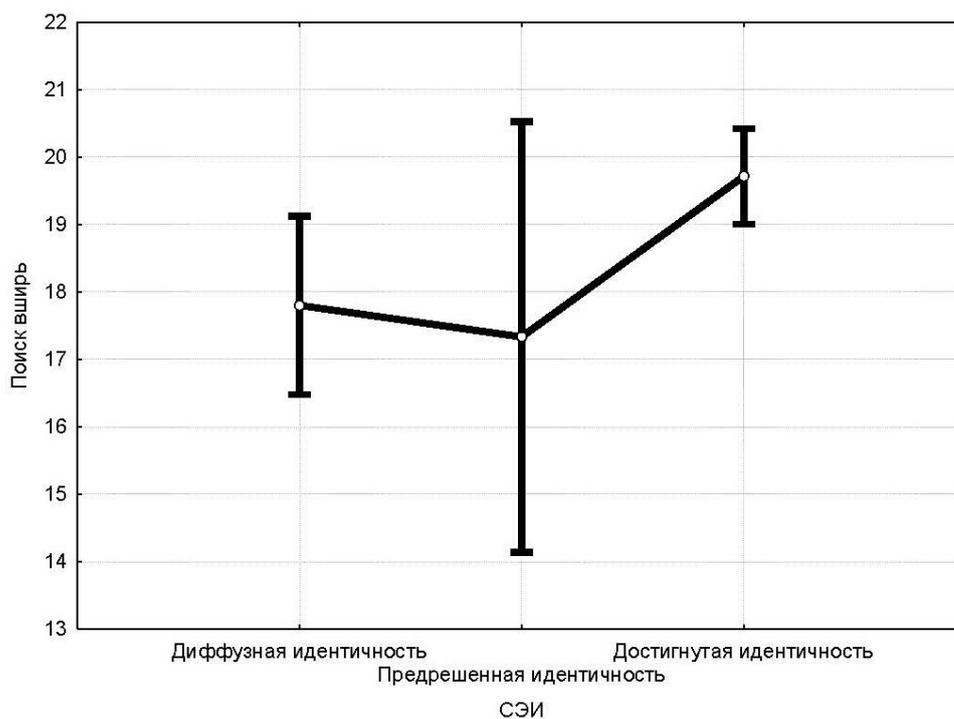
\* Результаты значимы при  $p \leq 0,05$ .



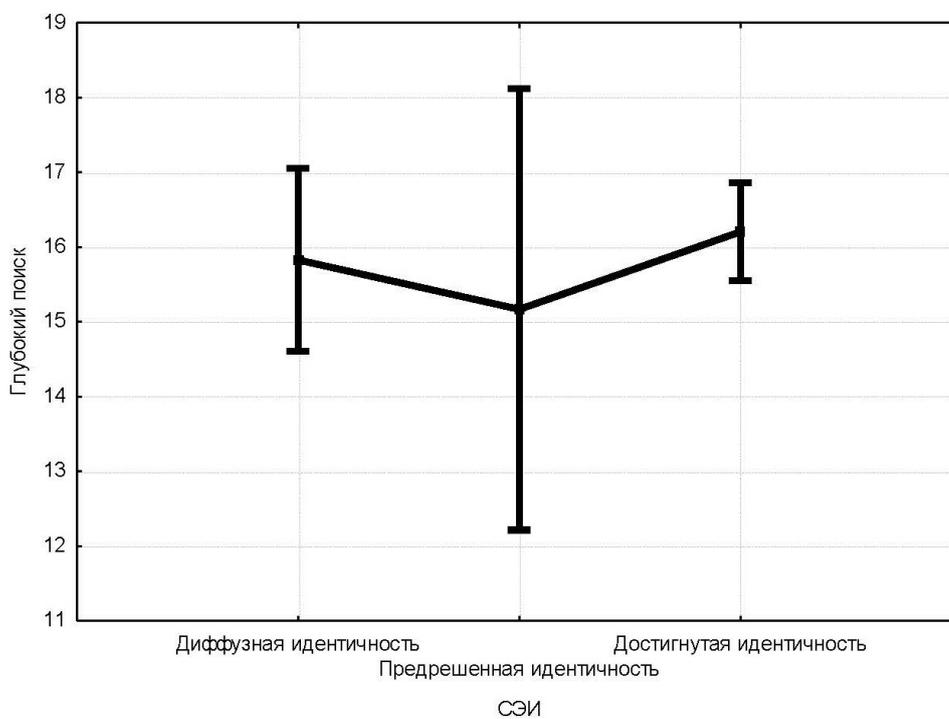
*Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа для процесса принятия обязательств*



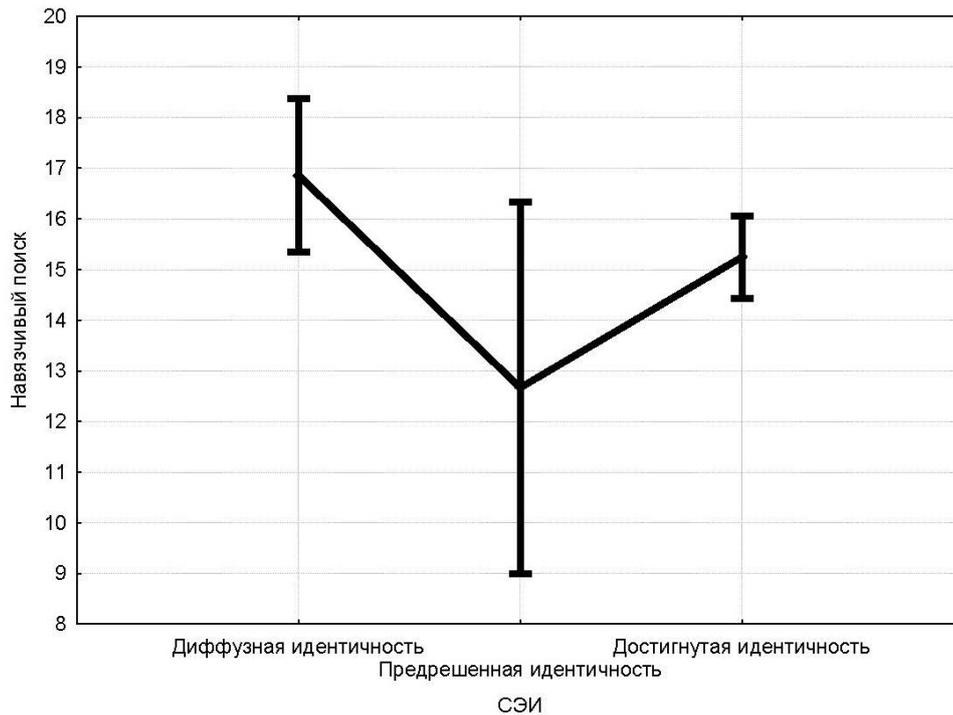
*Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа для процесса идентификации с обязательствами*



*Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа для процесса поиска вширь*



*Рис. 4. Результаты дисперсионного анализа для процесса глубокого поиска*



*Рис. 5. Результаты дисперсионного анализа для процесса навязчивого поиска*

позволяет исследовать процессуальный аспект идентичности личности, что делает ее интересной для специалистов, работающих в этом направлении исследований.

*Конфликт интересов в связи с описанными в статье данными отсутствует. Автор выражает благодарность всем участникам исследования.*

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton, 1968. 336 p.
- Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. № 2. P. 7–28.
- Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz? A reappraisal of the field of identity development // The Oxford handbook of identity development. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539–561.
- Verschueren M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences // Psychologica Belgica. 2017. Vol. 57. P. 32–42.
- Bogaerts A., Claes L., Bastiaens T., Luyckx K. Personality disorder symptomatology in Belgian emerging adults: Associations with identity processes and statuses // European Journal of Developmental Psychology. 2020. P. 1–21. Early Access.
- Kroger J. Identity development: adolescence through adulthood. London: Sage, 2007. 328 p.
- Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // Europes Journal of Psychology. 2017. Vol. 13. № 3. P. 417–440.
- Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // Journal of Adolescence. 2008. Vol. 31. № 2. P. 207–222.
- van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., Meeus W.H.J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity // European Psychologist. 2018. Vol. 23. № 4. P. 278–288.
- Злоказов К.В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 155–161.
- Kroger J. Identity in childhood and adolescence // International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences. 2015. № 11. P. 537–542.
- Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E., Green H., Miller C., Philip S. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. № 11. P. 1447–1458.
- Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. Handbook of identity theory and research: Structure and processes. New York: Springer, 2011. 998 p.
- Hatano K., Sugimura K., Luyckx K. Do Identity Processes and Psychosocial Problems Intertwine with Each

- Other? Testing the Directionality of Between- and Within-Person Associations // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 467–478.
15. Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. № 2. P. 295–299.
  16. Berzonsky M.D., Kinney A. Identity Processing Style and Depression: The Mediation Role of Experiential Avoidance and Self-Regulation // *Identity*. 2019. Vol. 19. № 2. P. 83–97.
  17. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 58–82.
  18. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains Are More Relevant For Emerging Adults? // *Emerging Adulthood*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 32–41.
  19. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E.A., Claes L. Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2020. Article in press.
  20. Verschuere M., Luyckx K., Kaufman E.A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders // *European Eating Disorders Review*. 2017. Vol. 25. № 1. P. 26–35.
  21. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., Talavera N.A., Folsom J.J., Baer R.A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2017. Vol. 39. № 3. P. 456–466.
  22. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. Vol. 63. № 2. P. 309–321.
  23. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59. № 2. P. 157–166.
  24. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2015. Т. 8. № 1. С. 29–33.
  25. Fadjukoff P., Pulkinen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains // *Identity*. 2005. Vol. 5. № 1. P. 1–20.
- REFERENCES**
1. Erikson E.H. *Identity, youth and crisis*. New York, Norton Publ., 1968. 336 p.
  2. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002, no. 2, pp. 7–28.
  3. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz? A reappraisal of the field of identity development. *The Oxford handbook of identity development*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2015, pp. 539–561.
  4. Verschuere M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 2017, vol. 57, pp. 32–42.
  5. Bogaerts A., Claes L., Bastiaens T., Luyckx K. Personality disorder symptomatology in Belgian emerging adults: Associations with identity processes and statuses. *European Journal of Developmental Psychology*, 2020, pp. 1–21, early access.
  6. Kroger J. *Identity development: adolescence through adulthood*. London, Sage Publ., 2007. 328 p.
  7. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europes Journal of Psychology*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 417–440.
  8. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008, vol. 31, no. 2, pp. 207–222.
  9. van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., Meeus W.H.J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 278–288.
  10. Zlokazov K.V. Issues of the identity development in studies of Erikson's followers. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2015, no. 9, pp. 155–161.
  11. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, 2015, no. 11, pp. 537–542.
  12. Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E., Green H., Miller C., Philip S. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, vol. 29, no. 11, pp. 1447–1458.
  13. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. *Handbook of identity theory and research: Structure and processes*. New York, Springer Publ., 2011. 998 p.
  14. Hatano K., Sugimura K., Luyckx K. Do Identity Processes and Psychosocial Problems Intertwine with Each Other? Testing the Directionality of Between- and Within-Person Associations. *Journal of Youth and Adolescence*, 2019, vol. 49, no. 2, pp. 467–478.
  15. Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 50, no. 2, pp. 295–299.
  16. Berzonsky M.D., Kinney A. Identity Processing Style and Depression: The Mediation Role of Experiential Avoidance and Self-Regulation. *Identity*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 83–97.
  17. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal*

- of *Research in Personality*, 2008, vol. 42, no. 1, pp. 58–82.
18. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains Are More Relevant For Emerging Adults? *Emerging Adulthood*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 32–41.
  19. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E.A., Claes L. Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2020, article in press.
  20. Verschuere M., Luyckx K., Kaufman E.A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 26–35.
  21. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., Talavera N.A., Folsom J.J., Baer R.A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017, vol. 39, no. 3, pp. 456–466.
  22. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and the Family*, 2001, vol. 63, no. 2, pp. 309–321.
  23. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018, vol. 59, no. 2, pp. 157–166.
  24. Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. Correlation between ego-identity and maturity of personality. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universitet. Seriya: Psikhologiya*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 29–33.
  25. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains. *Identity*, 2005, vol. 5, no. 1, pp. 1–20.

#### ASSESSMENT AND ADAPTATION OF DIMENSIONS OF IDENTITY DEVELOPMENT SCALE (DIDS) TECHNIQUE

© 2020

**Yu.V. Borisenko**, PhD (Psychology),  
assistant professor of Chair of Acmeology and Developmental Psychology  
*Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)*

*Keywords:* identity; identity processes; research techniques; assessment and adaptation of the technique; DIDS.

*Abstract:* The development of diagnostic instruments to study the identity processes, which give the possibility to compare the research results with foreign data, is the topical issue in the context of the study of personal identity. The paper presents the results of the study aimed at the assessment and adaptation of the Dimensions of Identity Development Scale (DIDS) English-language technique for the research of the personal identity processes created in 2008 by the group of authors led by K. Luyckx. The paper describes special aspects of translation, adaptation, and assessment of the technique. To assess the method, the author carried out the research involving 245 participants: 100 males and 145 females at the age of 17-40 years old ( $M=25.17$ ;  $SD=11.07$ ). The author identified the construct validity of the test using the factor analysis. Both in the original and the Russian-language versions, five factors were specified. To evaluate the operational validity of the questionnaire, the author compared the results of the technique with the results of the method “Test of statuses and structure of ego-identity” of E.L. Soldatova (SEI-test) with the help of correlation and dispersion analysis. Test-retest reliability was assessed by comparing the results of the questionnaire with the results of the repeated survey in six months. The statistical analysis of obtained data allows concluding on the sufficient consistency and reliability of the technique. The Dimensions of Identity Development Scale (DIDS) method for the research of the personal identity processes was successfully tested by the Russian sample group and can be applied in the counseling practice and for further study in the sphere of identity.